

Куда же подевался императорский инспектор, и какой именно дух-лис завладел его душой?

Когда Шэнь Ицэ прибыл, чтобы осмотреть Фу Шэня и заодно передать привет от коллег Янь Сяоханю, эта прекрасная пара была занята в усадьбе... засолкой утиных яиц.

У небольшого каменного стола во дворе стояла корзина с чисто вымытыми белыми утиными яйцами. Янь Сяохань и Фу Шэнь сидели друг напротив друга: один опускал яйца в крепкий алкоголь, а другой обваливал их в соли и укладывал в банки.

Цветочные клумбы во дворе были аккуратно вспаханы, на них росли только что проросшие зелёный лук и овощи. Рядом стояла большая пергола с глицинией, цветы которой свисали, словно водопад. Под ней бегали куры и утки, кудахтая и крикая. Шэнь Ицэ своими глазами увидел, как утка прошлась по ноге их императорского инспектора, а Янь Сяохань лишь посмеялся над Фу Шэнем:

— Древние говорили, что самое неуместное — это сажать овощи в саду и держать кур и уток под цветочной перголой. Твой двор собрал всё это воедино.

Фу Шэнь, не поднимая головы, парировал:

— А ещё здесь есть этот неуместный хромой генерал, которого ты прибрал к рукам.

Янь Сяохань тут же замолчал, но уголки его губ подозрительно поднялись.

Доктор Шэнь с каменным лицом подумал: «Кажется, я здесь лишний».

— Цзичжи пришёл, — первым заметил его Янь Сяохань, отложил свои дела и встал, чтобы поприветствовать его, словно ничего странного в том, что два высокопоставленных чиновника, способных изменить судьбу империи, весело солили утиные яйца, не было.

— Господин, маркиз, — Шэнь Ицэ поклонился им и не смог сдержать вопрос:

— Это...?

Фу Шэнь с улыбкой ответил:

— Просто небольшое хобби, надеюсь, не посмеётесь над нами.

Шэнь Ицэ поспешно сказал:

— Как я могу?

Неужели маркиз Цзиннин, как и говорили в народе, действительно разочаровался и решил

уйти на покой, чтобы заняться сельским хозяйством?

Янь Сяохань, вымыв руки от соли, вытер их и спросил Шэнь Ицэ:

— Что нового в столице?

— Именно по этому поводу я и пришёл, — ответил Шэнь Ицэ. — Ещё один член Гвардии Цзиньфу погиб. Вчера ночью его нашли мёртвым в павильоне Цуйцзинь на востоке города. Сегодня утром сообщили властям. Дело взволновало императора, и он приказал вам срочно вернуться в столицу. Теперь это дело полностью передано Страже Летящего Дракона.

Янь Сяохань инстинктивно обменялся взглядом с Фу Шэнем, и тот едва заметно покачал головой, давая понять, что это не его рук дело.

Янь Сяохань немного подумал, а затем с неискренней улыбкой сказал:

— Ладно. Странно, почему у Гвардии Цзиньфу в последнее время такая чёрная полоса?

Раньше они не хотели, чтобы Стража Летящего Дракона вмешивалась, а теперь, когда ситуация вышла из-под контроля, Южная ставка не справляется, и им приходится просить помощи у Стражи. Шэнь Ицэ чувствовал, что Янь Сяохань, возможно, был раздражён, поэтому его сарказм был особенно заметен. Фу Шэнь не спеша сказал:

— В таком случае, я не буду тебя задерживать. Будь осторожен.

Казалось, им нужно было обсудить что-то наедине, и они оба направились в комнату. Шэнь Ицэ сидел во дворе, рассеянно оглядывая кур и уток, как вдруг его ухо уловило звук, и он с удивлением обернулся.

Окно спальни было прикрыто, но не закрыто плотно, и он, кажется, услышал тихий, приглушённый стон.

[Авторское примечание: Ли Шаньинь — Двенадцать самых неуместных вещей: крик под сосной, слёзы при виде цветов, циновка на мху, срубленная ива, бельё, сушащееся под цветами, тяжёлый груз во время весенней прогулки, лошадь, привязанная к каменному столбу, огонь при лунном свете, идущий генерал, дом, построенный у горы, овощи, посаженные в саду, куры и утки под цветочной перголой.]

Перед Залом Возвращения Сердца Янь Сяохань столкнулся с главнокомандующим Гвардии Цзиньфу, который только что вышел из зала.

С Гвардией Цзиньфу происходили неприятности, и как начальник И Сымин нёс за это ответственность. Что ещё хуже, доверие, которое он с трудом завоевал у императора, было подорвано. Гвардия Цзиньфу была неопытна, и император использовал их для мелких задач, но когда дело доходило до серьёзных вопросов, он сразу же обращался к Страже Летящего

Дракона.

Для чиновника самое страшное — это не быть жадным или коварным, а быть «неспособным на большие дела».

Янь Сяохань, которого недавно предупредил Фу Шэнь, был особенно внимателен. Он давно не видел И Сымина и, увидев его, едва узнал. Тот был бледным, с впалыми щеками, выглядел измождённым и мрачным. Когда он смотрел на людей, его взгляд был пустым и пугающим.

Янь Сяохань помнил, что они с И Сымином были одного возраста, но сейчас они выглядели как небо и земля.

— Генерал И.

Две императорские гвардии, Северная и Южная, не ладили, но их начальники, встретившись на дороге, должны были поздороваться. Янь Сяохань поклонился, но И Сымин не ответил на приветствие и не сказал ни слова. Он просто мрачно смотрел на него некоторое время, а затем ушёл.

Янь Сяохань: «...»

Евнух, который сопровождал его во дворец, был недавно получившим милость Лю Цзи. Увидев это, он поспешил сгладить ситуацию:

— После такого скандала император в гневе, генерал И, должно быть, тоже в панике, поэтому не смог соблюсти формальности. Прошу вас, господин, проявить понимание. Вся тяжесть поиска убийцы и раскрытия правды лежит на ваших плечах.

Ранее служивший при императоре Тянь Тун был давно устранён Янь Сяоханем под каким-то предлогом. Теперь Лю Цзи, заняв место Тянь Туна, знал, что он получил эту милость благодаря Янь Сяоханю, и потому относился к нему с особым уважением.

Он наблюдал, как молодой императорский инспектор Стражи Летящего Дракона уверенно вошёл в Зал Возвращения Сердца, и подумал: «Когда Дуань Линлун был всемогущим при дворе, Янь Сяохань был его приёмным сыном, и с момента поступления во дворец он только поднимался вверх, пользуясь неизменной милостью. С такой благосклонностью императора, как мог этот глупый Тянь Тун осмелиться противостоять ему? Это всё равно что старик, который сам себе вырыл могилу».

И ещё этот генерал И Сымин, чьё лицо было словно вырезано из дерева, явно был человеком с большими амбициями, но с короткой жизнью.

Император Юаньтай выглядел неважно. Возможно, он постарел, и забот стало больше, его лицо было желтоватым, а под глазами виднелись мешки. Янь Сяохань поклонился, а

император, не поднимая век, спросил:

— Ты уже в курсе дела?

Янь Сяохань ответил:

— Я уже приказал собрать все документы, опросить родственников и свидетелей, чтобы как можно скорее раскрыть правду и найти убийцу. Прошу ваше величество не беспокоиться.

Император долго молчал, а затем вдруг тяжело вздохнул.

— Посторонние никогда не справляются так хорошо, как ты, — сказал он, и в его голосе появились нотки уступчивости. — Мэнгуй, насчёт того, что произошло на днях... Прости меня.

Янь Сяохань поспешно ответил:

— Не смею, ваше величество, вы слишком добры.

Он не был уверен, о каком именно событии говорил император, но скромность и уступчивость никогда не помешают. Император подумал немного и спросил:

— Говорят, Фу Шэня нет в столице?

Янь Сяохань ответил:

— Ваше величество, маркиз Цзиннин не захотел оставаться в моём доме и на следующий день после свадьбы переехал в загородную усадьбу. Я считал, что жить отдельно сразу после свадьбы не по правилам и противоречит вашей воле, поэтому последние несколько дней я оставался в усадьбе.

— Ты сделал правильно, — похвалил его император, а затем с сожалением вздохнул. — Фу Шэнь... Неудивительно, что он не хочет оставаться в столице.

Гордый генерал, чью карьеру он разрушил, кого заставил жениться на мужчине... Столица была для Фу Шэня местом боли, и он, конечно, не хотел там оставаться.

Янь Сяохань, наблюдая за императором, начал понимать его мысли.

Император спросил:

— Чем он занимался перед твоим отъездом?

Янь Сяохань смущённо ответил:

— Это...

Император:

— Что? Говори прямо.

Янь Сяохань странно помолчал, колебался, а затем с неловкостью сказал:

— Маркиз Цзиннин нуждается в отдыхе, поэтому он ничего не делает. Сейчас он в усадьбе... сажает овощи, разводит кур и уток, и ещё...

Император удивился:

— Ещё что?

Янь Сяохань кашлянул и с трудом выдавил:

— Солит утиные яйца.

Император: «...»

— Солит утиные яйца? — недоверчиво переспросил император. — Он... Зачем ему это вдруг понадобилось?

Благородные мужчины избегали кухни, и в то время считалось почётным не прикасаться к домашним делам. Повара и слуги занимали низкое положение. Фу Шэнь, выросший в богатой семье, где его баловали, вероятно, даже никогда не заходил на кухню. Зачем ему вдруг понадобилось солить утиные яйца?

Даже если он засолит их идеально, это всё равно будут утиные яйца. Если это станет известно, и его начнут называть «генералом утиных яиц», разве это не будет позором?!

Янь Сяохань, уже решившись на всё, продолжил:

— Повар в усадьбе из Цзяннани, а маркиз Цзиннин вырос на севере и не знал, что в Цзяннани все утиные яйца получают маслянистыми благодаря засолке.

<http://bllate.org/book/15271/1347972>